

„ВЕСНА"

СЪ ЯНВАРЯ 1914 ГОДА ВЫХОДИТЪ ЕЖЕМѢСЯЧНЫМИ КНИГАМИ

въ 10—15 листовъ съ иллюстраціями на мѣловой бумагѣ.

„ВЕСНА" отводитъ главное мѣсто молодымъ литературнымъ исканіямъ и вообще **молодежи.**

Ни одна рукопись, адресованная въ редакцію, **не остается безъ отвѣта въ почтовомъ ящикѣ „ВЕСНЫ".**

„ВЕСНА" даетъ отзывы не только о новыхъ присланныхъ въ редакцію книгахъ, но и о журналахъ и нотахъ.

Съ первымъ номеромъ „ВЕСНЫ" годовые подписчики получатъ первую безплатную премію журнала—книгу Н. Шебуева: „Искусство писать стихи" („Версификація").

Второй безплатной преміей „ВЕСНЫ"

является напечатанный на мѣловой бумагѣ **АЛЬБОМЪ „САЛОМЕЯ"**, гдѣ собраны репродукціи съ картинъ лучшихъ художниковъ міра, вдохновленныхъ этою библейскою героинею.

Въ первой же книгѣ „ВЕСНЫ" объявлены условія шести конкурсовъ на соисканіе премій для писателей, художниковъ, поэтовъ и композиторовъ.

Третья премія

съ особой нумераціей страницъ на толстой бумагѣ

КНИГА НОТЪ „ВЕСНЫ".

ЧЕТВЕРТАЯ ПРЕМІЯ

альбомъ рисунковъ Обри Бердслей.

Въ теченіи года подписчики „ВЕСНЫ"

съ особой нумераціей страницъ получатъ романъ Н. Шебуева: „Идіоты" или „Благодушныя и назидательныя похожденія въ благословенной Идіотіи".

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на годъ — 4 руб., на шесть мѣсяцевъ — 2 руб. 50 коп.

Цѣна отдѣльной книги 50 коп.

Пріемъ подписки, объявленій и продажа №№ „Весны" отъ 12 до 2 ч. дня по понед., средамъ и пятницамъ.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Старорусская 16.

Адресъ конторы: Лиговская, 86. Телефонъ 655—96.

Такса объявленій: за строку нонпарели 60 копѣекъ.

Редакторъ Н. Г. Шебуевъ. Издательница Н. К. Дмитріева.

РЕДАКЦІЯ. С.-Петербургъ, Садовая, 75.

КОНТОРА. С.-Петербургъ, Лиговская, 86. Телефонъ 655—96. ПРІЕМЪ ПОДПИСКИ и ОБЪЯВЛЕНІЙ.

ВЕСНА

органъ независимыхъ писателей и художниковъ

подъ редакцией

Н. Г. ШЕБУЕВА

ц. 10 к.

№ 5.

СПБ. 1914

Отдѣленіе Конторы: книжный магазинъ б. М. В. Попова, Невскій 66. Пріемъ подписки и розничная продажа.

Рисунокъ Н. Н. Крауз., получившій премію на второмъ конкурсѣ „Весны“.

Содержаніе № 5.

Отъ редакціи.

Тяжело сознаваться въ своихъ увлеченіяхъ, но немыслимо дальше замалчивать ихъ. А увлеченіемъ журнала „Весна“ было съ самаго основанія до послѣдняго номера желаніе на русской почвѣ выбиться съ помощью молодежи въ крѣпкій, здоровый, цвѣтущій журналъ. Какъ выбился „Jugend“.

„Веснѣ“ всегда казалось, что нѣтъ благороднѣе и благодарнѣе задачи, какъ даваніе дебютовъ молодымъ, начинающимъ талантамъ.

„Веснѣ“ казалось, что этими талантами интересуется и широкая публика.

„Веснѣ“ казалось, что начинающими талантами богата Русь, что въ каждой семьѣ есть юноша или дѣвушка, расправляющіе крылья, чтобы полетѣть.

„Веснѣ“ казалось, что эти юноши и дѣвушки захотятъ, сумѣютъ и смогутъ сдѣлать ее желанной, необходимой въ каждой семьѣ.

„Веснѣ“ казалось, что, начавъ съ „меценатства“ она черезъ годъ-два наконецъ сумѣетъ расходиться въ такомъ количествѣ, чтобы оправдывать расходы.

О доходахъ и не мечтала „Весна“...

Но оказалось, что именно молодежь-то и не можетъ дать „Веснѣ“ распространенія: журналъ она норовитъ получать даромъ.

А широкую публику дебюты молодыхъ даже отвращаютъ: она привыкла гнаться за именами.

Каждый номеръ „Весны“ давалъ громадный убытокъ.

Если бы собрать то, что истратила „Весна“ за нѣсколько лѣтъ на молодежь, вышелъ бы капиталъ, на который можно поставить на ноги большое литературное предпріятіе.

Дальше у „Весны“ нѣтъ мочи меценатствовать и она, съ горечью отказываясь отъ своихъ прежнихъ задачъ, задаетъ себѣ новыя.

Эти задачи—дать широкой публикѣ—общій журналъ, т. е. журналъ такой, который сумѣетъ ее заинтересовать.

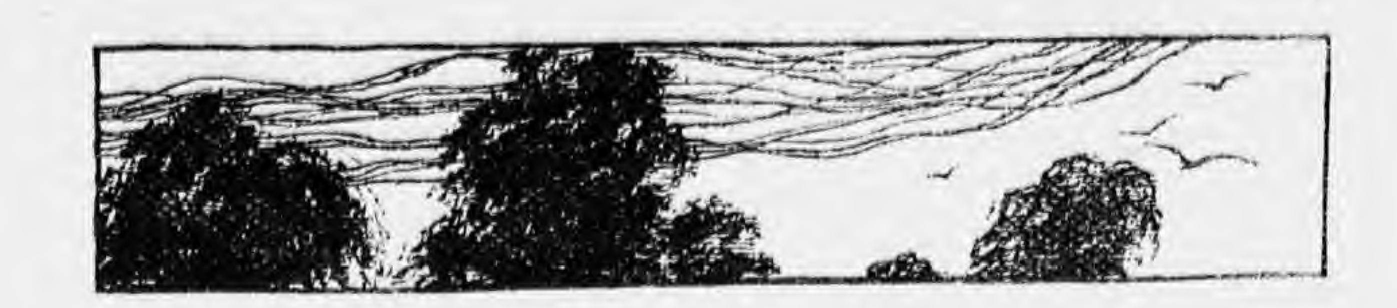
Не журналъ „начинающихъ“, а журналъ „продолжающихъ“.

Въ немъ не будетъ мѣста дебютамъ, не будетъ мѣста тѣсному общенію съ молодежью, въ немъ будутъ романы, повѣсти, разсказы, статьи и фельетоны на всѣ темы культурнаго дня.

„Весна“ не хочетъ ничего обѣщать.

Публика сама увидитъ какъ и куда поведетъ она.

Къ истинѣ, добру и красотѣ...

О Чеховѣ.

1. ПОСЛѢДНЕЕ ПРОИЗВЕДЕНІЕ ЧЕХОВА.

Въ Художественномъ театрѣ шелъ „Вишневый Садъ".

Чеховъ въ ложѣ.

Въ антрактѣ вышелъ въ корридоръ.

Я подошелъ къ нему.

Онъ ласково улыбнулся и ласково подалъ руку.

— Опять интервьюировать будете?

Тогда газеты были полны дебатами о томъ, что задумалъ написать Чеховъ, чего не задумалъ, какъ называется его будущее произведеніе и каково его содержаніе.

И я спросилъ:

— Скажите Антонъ Павловичъ, какъ называется ваше послѣднее произведеніе?

Чеховъ улыбнулся какою-то виновато ироническою улыбкою.

— Мое послѣднее произведеніе называется...

Онъ закашлялся.

Я ждалъ, что вотъ вотъ онъ откашляется и скажетъ названіе.

Онъ пересталъ кашлять, но молчалъ.

И опять улыбнулся.

— Ну? Какъ-же названіе?

— Да вы развѣ не слыхали?

— Да... Не разслышалъ, Вы закашлялись...

— Названіе этого послѣдняго произведенія.

И онъ опять мучительно закашлялся.

Такъ мучительно, что мнѣ самому тяжело и больно на него смотрѣть.

И было неловко виновато ждать.

Онъ кончилъ.

Глаза все такъ же мило и тихо улыбались.

— Вы ждете?

— Простите „жду".

— Вотъ это и есть мое послѣднее произведеніе,—чахотка!

Его глаза все улыбались, когда онъ произносилъ эту роковую шутку.

Свѣтились уютною, свѣтлою, чеховскою улыбкою.

И въ этой шуткѣ сказался весь Чеховъ.

Больше я не встрѣчалъ Чехова.

Но его улыбку запомнилъ навсегда.

Вѣдь вся его жизнь, все его творчество,—это улыбка жизни, сквозь кашель смерти.

. . . .

Скажите, кто васъ заставилъ въ жизни больше всего смѣяться.

— Чеховъ.

Скажите кто васъ заставилъ больше всего грустить?

— Чеховъ.

Кто самый глубокій русскій пессимистъ.

— Чеховъ.

Кто самый жизнерадостный русскій оптимистъ.

— Чеховъ.

2. ВАГОНЪ.

Тѣло Антона Павловича прибыло въ вагонѣ съ надписью:

„Для устрицъ".

Люди устричной крови не нашли для своего бытописателя, поэта сумерокъ иного помѣщенія, чѣмъ

Устричный вагонъ...

. . . .

Какой великолѣпный посмертный разсказъ написалъ-бы Антонъ Павловичъ на эту тему.

3. ГОДОВЩИНА.

Я прослушалъ посмертный разсказъ Чехова „Годовщина на кладбищѣ Ново-Дѣвичьяго монастыря".

Много собралось прослушать этотъ безхитростный разсказъ.

Пришли и человѣкъ въ футлярѣ, и три сестры, и дядя Ваня и Ивановъ.

Много Ивановыхъ.

Пришли, оторвавшись отъ тусклыхъ, мѣщанскихъ будней.

— Мы будемъ слушать панихиду на могилѣ великаго писателя, который обличалъ человѣка въ футлярѣ!—сказалъ человѣкъ въ футлярѣ, протискиваясь сквозь толпу, и расталкивая локтемъ трехъ сестеръ.—Хорошо, что онъ обличалъ ихъ и хорошо, что я не похожъ на человѣка въ футлярѣ!

Чайка въ большой бѣлой шляпѣ съ декадентскимъ изгибомъ полей взобралась на сосѣдній памятникъ и оттуда смотрѣла черезъ море головъ, какъ дядя Ваня по запискѣ читалъ, что то ненужное, никчемное и неразборчивое.

Онъ заикается, путается, останавливается.

А вокругъ думаютъ:

— Боже, какъ скучно! Какая канитель! Какая пошлость!

Три сестры принесли цвѣтовъ.

Скорбный, скромный вѣнокъ ихъ утонулъ въ грудѣ яркихъ, чопорныхъ махровостей.

И Ивановъ тоже сказалъ рѣчь

Онъ говорилъ:

— Всѣ мы пришли сюда на могилу Чехова сказать, что будни окончены, что наступилъ бодрый, молодой праздникъ обновленія.

И человѣкъ въ футлярѣ и студентъ изъ „Вишневаго сада" и другіе Ивановы подумали:

— Твоими бы устами медъ пить! Гдѣ это ты нашелъ праздникъ обновленія?

Но вслухъ всѣ предобродушно поаплодировали.

Природа стояла вокругъ нѣмая и грустная.

Деревья безсильно опустили свои больныя вѣтви.

Молодежь смотрѣла на унтера Пришибеева и думала:

— Будетъ инциндентъ или не будетъ.

Репортеры вглядывались въ толпу, чтобы выдѣлить дѣйствительныхъ статскихъ Ивановыхъ отъ тайныхъ Ивановыхъ.

Епиходовъ думалъ:

— Сколько съ меня извозчикъ слупитъ?

Воробьи лаконично чирикали:

— Чирикъ! Чирикъ! Чирикъ!

И это было кажется самое вдохновенное и искреннее слово во всей поминкѣ.

Это было искусство для искусства.

Это былъ разсказъ Чехова.

Это были клочки сѣрыхъ воробьиныхъ буденъ.

На небѣ погуливали облачка.

Солнце хмурилось.

Небо съ трудомъ сдерживало слезы.

А господа въ футлярѣ философствовали.

— Чирикъ! Чирикъ!

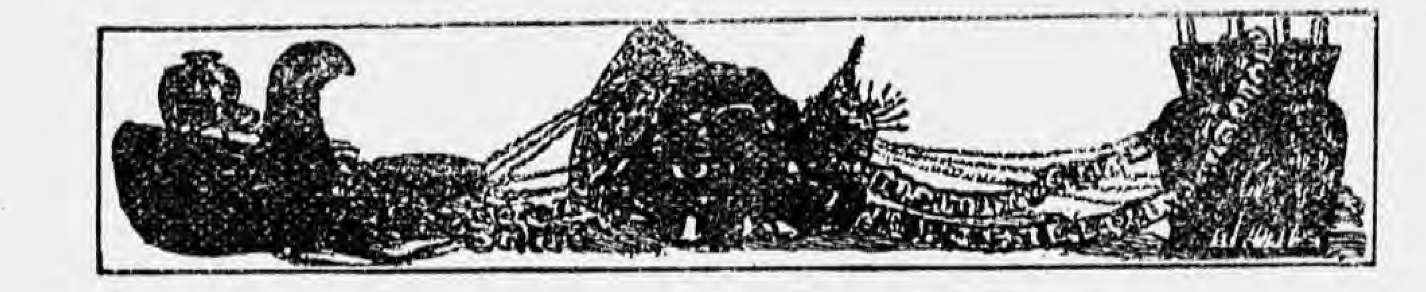
Двухъ вещей не могъ выносить Чеховъ.

— Не могу слушать рѣчей, прочитанныхъ по бумажкѣ, и рождественскихъ разсказовъ.

— Чирикъ! Чирикъ.

Воробьи прочитали это не по бумажкѣ.

Н. Шебуевъ.

Фирсы о Чеховѣ

Я—въ убѣжищѣ престарѣлыхъ артистовъ.

У нихъ уже все въ прошломъ... Въ ярко освѣщенномъ залѣ имъ когда-то подносили цвѣты, обѣщающе ласково глядѣли женскіе глаза... Слава... Успѣхъ..

— Вотъ эти телеграммы прислали мнѣ въ день моего юбилея!

Объемистый, аккуратно переплетенный томикъ и среди подписей, встрѣчаются нѣкоторыя крупныя литературныя и артистическія имена...

— Видите?.. Все это было когда-то!...

Старикъ тихо качаетъ головой и грустно улыбается... Когда-то... Теперь они живутъ въ небольшомъ, изящномъ зданіи, въ глуши Петровскаго Острова, живутъ „на покоѣ", воспоминаніями о прошломъ.

Въ печальную годовщину Чеховской смерти, я пришелъ, „интервьюировать" ихъ о Чеховѣ...

Они выросли и воспитались совсѣмъ на другихъ піесахъ, на другихъ традиціяхъ и было интересно, что скажутъ о Чеховѣ старики..

Меня даже волновало нѣсколько это...

Я боялся, что „классическіе жесты", поклоны маркизовъ и графовъ слишкомъ сильны...

Когда-то одинъ старый провинціальный актеръ говорилъ мнѣ:

— Гроша мѣднаго не стоитъ вашъ Чеховъ... Вотъ что! Сцены онъ не знаетъ, дѣйствія у него нѣтъ... Одно нытье!..

Я думалъ, что старики скажутъ мнѣ это...

Это было-бы понятно, конечно... Но это было-бы грустно... Досадно...

И я ошибся...

Такого нѣжнаго, теплаго, любовнаго отношенія къ памяти Чехова, я не ожидалъ...

Такъ говорятъ о близкомъ, родномъ, безконечно дорогомъ человѣкѣ...

— Чеховъ... Антонъ Палычъ... Господи!.. Какъ-же можно?

Въ Убѣжищѣ артисты, главнымъ образомъ, провинціальные... Имъ пришлось при постановкѣ Чехова считается съ многимъ такимъ, отъ чего были освобождены артисты столичныхъ театровъ.

Публика въ провинціи консервативна въ области театра...

Она любитъ яркія красочныя драмы съ рѣзкимъ, сильно очерченнымъ дѣйствіемъ...

Комедіи съ большими qui pro quo... Съ добродѣтелью и порокомъ...

И добродѣтель торжествуетъ...

Трагикъ долженъ громко кричать и прижимать руку къ сердцу... комикъ смѣшить... Резонеръ говорить о любви, правдѣ и справедливости...

И въ эту провинцію старики понесли Чехова... Простыхъ, сѣрыхъ, будничныхъ людей... хмурый, обыкновенный сегодняшній день...

— Трудно было сначала... А потомъ публика привыкла... Понравилось...

Г. Жилинъ, старый и опытный актеръ, авторъ многихъ когда-то очень популярныхъ піесъ, говорилъ мнѣ, что актерская молодежь прямо съ ума сходила:

— Вѣрите-ли, кипитъ, прямо кипитъ... Съ антрепренерами ругается, никакихъ другихъ піесъ играть не хочетъ, хоть убей... Даже старики всполошились... Давай имъ Чехова... Я, помню въ Гродно, ставили мы „Вишневый садъ" я Фирса игралъ.. Такъ передъ поднятіемъ занавѣса у всѣхъ лихорадка... „Освищутъ" думаютъ... Старики на попятный, а молодежь сердится: „пускай свистятъ"!.. Ничего... Сошло... Потомъ нравится всѣмъ стало... Обрадовались... Заработали во всю!

Это было въ провинціи, гдѣ піеса ставится съ трехъ репетицій, гдѣ уже силою обстоятельствъ понижена художественная требовательность и художественная чуткость...

— Провинціальный актеръ—продолжалъ Г. Жилинъ.—автора исправлять любитъ... „Чтобъ жеще вышло".

Такъ съ Чеховымъ этого не было... Попробовалъ было одинъ... Вафлю, онъ игралъ въ „Дядѣ Ванѣ"... Вышелъ значитъ онъ съ Астровымъ, во второмъ актѣ, когда Астровъ пьянъ и началъ.

Астровъ ему говоритъ:„ Играй Вафля"... „Не могу, голубчикъ, всѣ спятъ", а самъ оборачивается къ публикѣ и говоритъ будто изъ роли... „Я тебѣ голубчикъ поиграю, я тебѣ пьяная каналья поиграю"!

— Ну?..

— Ну потомъ поймали его за кулисами и говорятъ, что „если ты такой сякой это еще хоть разъ сдѣлаешь, такъ мы на тебѣ живого мѣста не оставимъ"... тотъ оправдывается: „я голубчики для купцовъ это"!.. Ну все-же пересталъ...

Такъ трогательно было встрѣтиться съ г. Минскимъ...

Въ 1861 году онъ вступилъ на театральные подмостки...

Въ 1910 онъ сошелъ съ нихъ.

— Память стала измѣнять... Роли никакъ не могу выучить.

У него морщинистое, усталое лицо, а на головѣ великолѣпная шевелюра, красивыхъ, совершенно бѣлыхъ волосъ... Удивительно сохранились глаза... Черные, глубокіе они блестятъ совсѣмъ не по старчески.

— Игралъ-ли я въ Чеховскихъ піесахъ?

Старикъ ухмыльнулся...—Я могу сказать, что это мнѣ на старости лѣтъ прямо подарокъ былъ... Вотъ говорятъ тамъ привычка есть... Не вѣрю. Сколько лѣтъ въ разныхъ піесахъ игралъ, а какъ прочли „Дядю Ваню", дали мнѣ Вафлю, такъ я ночи не спалъ..

Въ Иркутскѣ ставили мы впервые... Совсѣмъ ужъ рѣшили ставить... Все готово было... какъ вдругъ антрепренеръ нашъ забунтовалъ... „Не хочу... Не могу"... Сѣлъ на поѣздъ, захватилъ съ собой режиссера и айда въ Москву, въ Художественный театръ Чехова смотрѣть. Привезли оттуда эскизы декорацій, костюмовъ, гримма... Снова все на чисто передѣлали, работали долго... А потомъ уже и поставили...

Потомъ ужъ, какъ я въ Москву попалъ, пошелъ въ художественный театръ... „Чайка" шла... Покойница Вѣра Федоровна еще играла... Такъ я какъ сѣлъ, такъ и сидѣлъ до конца спектакля..

Вышелъ я,—дождикъ накрапываетъ... Дѣло осенью было... Иду и думаю только: „Господи, до чего-же это все хорошо!.." До утра проходилъ по улицамъ, себя не помнилъ...

Старикъ замолчалъ, и опустивъ голову, задумался...

— Надо вамъ сказать—продолжалъ онъ—Я крѣпостное право хорошо помню и такихъ лакеевъ, какъ Фирсъ въ „Вишневомъ саду"! десятки видѣлъ... И когда игралъ его, думалъ: „Господи, какъ-же могъ только онъ такъ вотъ все описать, типъ такой создать... Вѣрный, точный, какъ живой"!

— Чехова изъ всѣхъ обитателей убѣжища видѣлъ только одинъ—суфлеръ Ѳаворскій...

— Невысокаго роста такой.. Въ пенснэ... Пришелъ къ намъ въ театръ... Въ Одессѣ дѣло было... Посмотрѣлъ, походилъ... И ушелъ... Съ артистами разговаривалъ, смѣялся... А о чемъ говорили не знаю...

— А піесы Чехова при васъ пошли?..

— При мнѣ... Піесы хорошія... И суфлировать ихъ легко... Что проворонишь тамъ, артистъ паузу сдѣлаетъ и ничего...

— Паузъ много для суфлера, это—первое дѣло! Хорошо писалъ покойникъ!

Въ маленькихъ комнатахъ, гдѣ они живутъ по двое, старики наперерывъ разсказывали мнѣ о Чеховскихъ піесахъ, о томъ какой радостной новостью были онѣ въ актерскомъ мірѣ.

Одинъ разъяснялъ мнѣ:

— Вѣдь онъ впервые это ввелъ, что на сценѣ спиной къ публикѣ сидѣть можно...

— Свободно надо держать себя... Занавѣсъ это все равно, что стѣна... Открыли—развалили стѣну и заглядывай внутрь дома!..

Когда онъ ушелъ со сцены это было послѣдней новостью..

Для него осталась такой-же до сихъ поръ...

Всѣ говорили одно и тоже... Мужчины и женщины говорили нѣжно, любовно, какъ говорятъ о радостныхъ и красивыхъ воспоминаніяхъ личной жизни...

Одна артистка разсказывала:

— Я не играла въ его піессахъ... Тогда я уже заболѣла и ушла со сцены... И мнѣ больно... Прямо ужасно больно, что это такъ случилось... Я хорошо помню время, когда изъ за его піессъ начинались споры, ссоры... Молодежь ужасно волновалась... Труппы, помню, свои даже создавали, чтобы никакихъ другихъ піессъ не играть. Да въ провинціи развѣ можно?..

Было удивительно трогательно слушать разсказы, о томъ какъ они видѣли Чехова въ художественномъ театрѣ... Глаза у стариковъ разгорались, они становились въ позы и играли...

— Сядь-ка сюда Иванъ Петровичъ... такъ здѣсь, значитъ будетъ лѣстница, здѣсь шкафикъ, вотъ такъ Астровъ сидитъ... Вафля съ гитарой здѣсь... Ну ты за Астрова...

— Играя Вафля!..

— Не могу, голубчикъ, всѣ спятъ!..

— Игррай!..

— Радъ-бы душой голубчикъ да нельзя...

— Игррай!..

И они разыгрываютъ сценку изъ „Дяди Вани"..

Немного путаютъ, кое-что забыли, но играютъ вдохновенно, переживая прошлое...

Когда пришли Чеховскія пьесы, они уже были стариками и на ихъ долю пришлось играть Вафлю, Чебутыкина, Фирса...

Каждый съ удовольствіемъ вспоминаетъ о послѣдней роли...

— Ужъ очень она какая-то правдивая и трогательная!

— Какъ я игралъ Фирса, такъ вся Самара навзрыдъ плакала...

— Многіе говорили, которые въ Москвѣ его видѣли, что я ничуть даже Артему не уступалъ!

И всѣ они—Фирсы...

Ихъ тоже оставили, не помнятъ, не знаютъ...

Правда за окномъ не рубятъ вишневый садъ...

Театръ ищетъ новые пути, развивается, растетъ .. Уже ставятъ новыя пьесы... Сидѣть спиной къ публикѣ уже не самая послѣдняя новость...

А они въ маленькихъ комнаткахъ думаютъ о прошломъ и живутъ только имъ...

Но каждый изъ нихъ новаторъ... Революціонеръ...

Когда-то въ Самарѣ, Воронежѣ или Казани... онъ совершилъ переворотъ.

Сѣлъ спиной къ публикѣ, когда г. губернаторъ сидѣлъ въ первомъ ряду.

— Потому, что—дѣловито разъясняетъ онъ.— Занавѣсъ—это только стѣна!

Самая послѣдняя новость.

Старики жалуются на скуку... Фирсовъ забыли...

Ни одна редакція не считаетъ почему-то нужнымъ высылать имъ газеты и журналы...

—У нихъ небольшая библіотека, пожертованная Краевскимъ, но совершенно нѣтъ современной литературы...

— Вы-бы тамъ сказали что-нибудь—просили они меня—ужъ очень скверно зимой и осенью, когда длинные вечера!.

Фирсовъ забыли...

Когда я уходилъ, меня догнала старушка и торопливо сунувъ въ руки какой-то конвертъ, остановила меня.

— Здѣсь вотъ моя карточка... Правда это я не теперь снималась... Раньше нѣсколько... На карточкѣ я моложе... Но вѣдь вамъ все равно... Напечатайте и подпишите артистка такая-то... И больше ничего...

Она говоритъ сконфуженнымъ голосомъ и смотритъ на меня умоляюще...

— Вѣдь вамъ все равно... А я васъ такъ прошу!..

Я обѣщалъ сдѣлать все, что смогу и простился... По дорогѣ я взглянулъ на карточку...

Молодое красивое лицо, лукавые, задорные глаза и густыя, черныя брови..

Я вспомнилъ ея капотъ, морщины и сѣдые волосы...

Но развѣ для нихъ есть настоящее? Развѣ то, что окружаетъ ихъ сейчасъ—жизнь?..

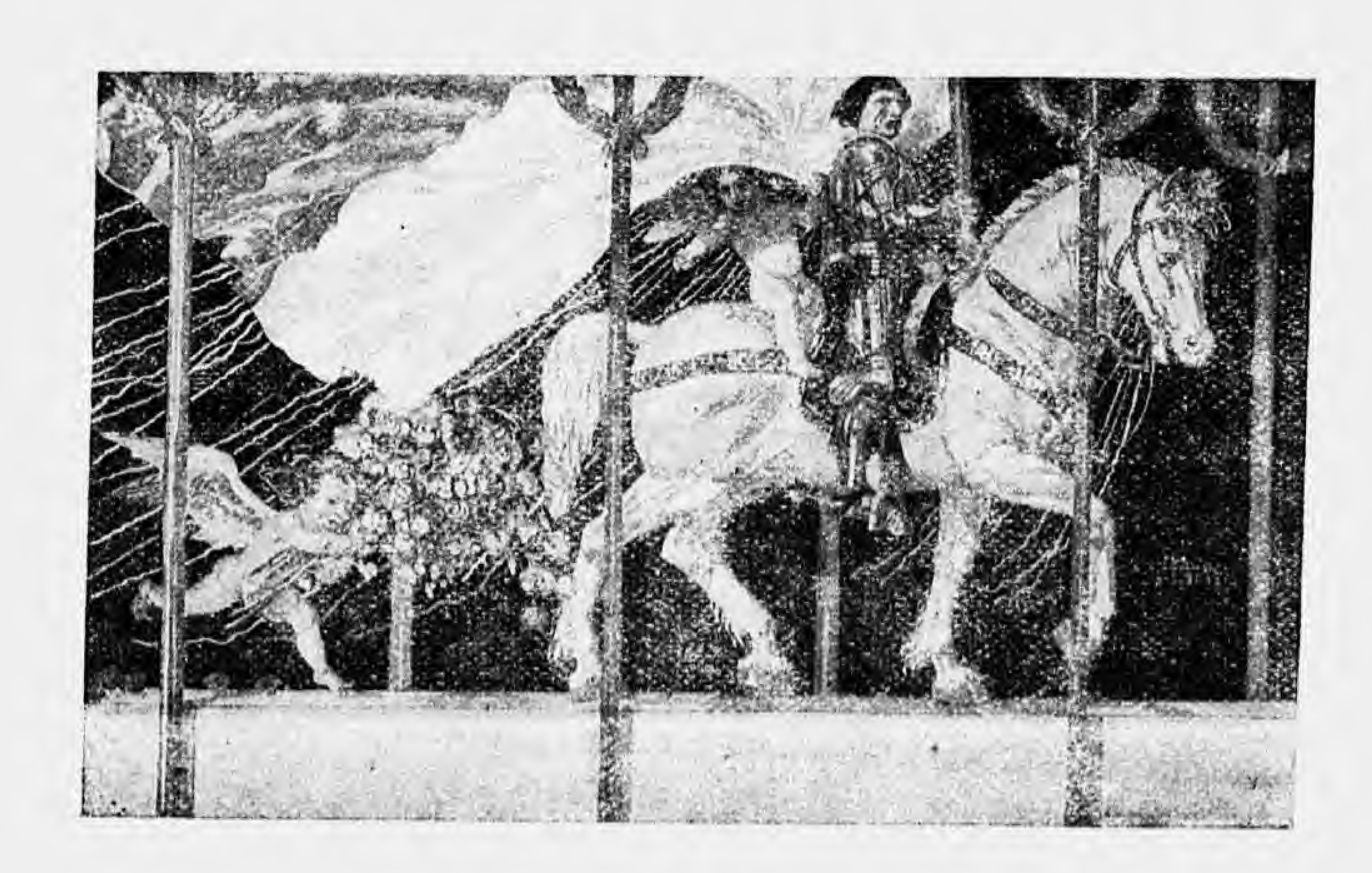
Конечно нѣтъ... Жизнь это—прошлое это то время, когда у ней были вотъ эти глаза, когда плакала навзрыдъ вся Самара, когда онъ игралъ Фирса...

А теперь... это такъ... просто такъ...

Я уѣхалъ, меня вновь приняли шумныя улицы, поглотили повседневныя занятія, а они, вѣроятно, долго еще сидѣли въ своихъ комнаткахъ и говорили о Чеховѣ, о его піесахъ, объ успѣхахъ, о прошломъ...

О жизни .. настоящее—вѣдь это-такъ.. просто такъ...

А. Русавинъ.

ДЕВИЗЪ.

Надѣваю шлемъ и латы,
Опоясываю мечъ,
— Эй, впередъ, мой конь крылатый,
Для нежданныхъ бурь и встрѣчъ!

Проскакавъ весь міръ безъ мала,
У распутья трехъ дорогъ,
Я срываю прочь забрало
И трублю въ испанскій рогъ:

— Эй вы, рыцари теплицы,
Вамъ девизъ открою свой!
Всѣхъ, кто съ нимъ не согласится,
Всѣхъ зову на страшный бой!

И кричу я пламенѣя,
Лозунгъ сердца моего:
— „Нѣтъ прекраснѣй Дульцинеи
Въ цѣломъ мірѣ—никого!

Н. Агнивцевъ.

МИША.

Разсказъ **Бориса Эффимъ**.

Еще совсѣмъ недавно у него были длинные волосы, красная косоворотка и рѣзкія, угловатыя манеры.

Говорилъ онъ громко, рѣшительно жестикулировалъ, а когда съ кѣмъ нибудь спорилъ отъ него подальше убирали всѣ хрупкіе предметы.

— Да ты бы успокоился, Миша немного! А?

Миша широко открывалъ глаза и обливалъ собесѣдника самымъ откровеннымъ презрѣніемъ:

— Успоко-о-о-ится? Ты говоришь успокоится?.. Умно! Чертовски умно!.. Записать надо...

Обязательно записать!

Онъ нервно вскакивалъ, ходилъ по комнатѣ и, сжимая кулаки, кричалъ:

— Идіоты спокойны! только идіоты! понялъ? Имъ безпокоиться нечего!.. чего-тамъ! Идіотъ и слава Богу!.. настоящій человѣкъ долженъ быть борцомъ!.. Горѣть долженъ! На чеку вѣчно! Нападеніе.. Аттака... На! Получай!.. Въ морду!.. Разъ! и готово! Всѣ эти постепеновщины, выжиданія, шелтай-болтай, гроша мѣднаго не стоятъ. Тьфу! Плюнулъ растеръ и кранкенъ!

По цѣлымъ днямъ онъ носился съ какими-то бумагами что-то организовывалъ, на что то собиралъ доставалъ какіе то адреса, писалъ какія то записки и къ вечеру измученный, хрипящій заходилъ къ кому нибудь изъ знакомыхъ...

— Ты братъ дай мнѣ чаю пожалуйста... Совершенно забылъ, что нужно чаю купить... Замотался!..

— Да ты обѣдалъ ли Миша!..

— Я то?...

Миша смотритъ на потолокъ, что-то усиленно соображаетъ и по томъ конфузливо улыбается...

— А я, вѣдь, и вѣрно сегодня не обѣдалъ...Забылъ!

— Можетъ быть пойдемъ въ ресторанъ закусимъ?

— Что-о-о?..

Миша внимательно и долго смотритъ на предложившаго такую ересь...

— Это, братъ, въ то время. когда другіе голодаютъ, мы съ тобой по ресторанамъ шляться будемъ.. Здорово! Сообразительный... Рѣдкая голова!.

Каждый мѣсяцъ, аккуратно въ первыхъ числахъ, Миша получалъ изъ дому сторублевку, вмѣстѣ съ добрыми совѣтами, какъ жить и куда тратить и ровно черезъ недѣлю онъ заходилъ къ пріятелямъ и спрашивалъ, неизмѣнно конфузясь и краснѣя, нѣтъ ли у него полтинника.

— Чортъ его знаетъ, подвернулось такъ. Рабочій тутъ одинъ; сознательный, какъ чортъ! Жажда образованія—адская, а денегъ нѣтъ. Пришлось дать!

Къ женщинамъ Миша относился совершенно спокойно и по товарищески...

— Для меня, братъ, что женщина, что мужчина все равно!..

— Ого!—замѣтилъ кто-то—...ты, однако того... способный!..

— Ну вотъ! Начинается... У васъ только одни гадости на умѣ... Фу мерзость какая!

А когда одна милая, хорошенькая курсистка, съ которой Миша познакомился на вечеринкѣ, стала жаловаться на скуку и безцѣльность жизни, Миша внимательно и дѣловито осмотрѣлъ ее, записалъ адресъ и серьезно сказалъ:

— Я завтра зайду къ вамъ!

На слѣдующій день, онъ принесъ ей объемистый томикъ „Капитала", усѣлся у стола и объяснилъ ей, что скучаетъ, собственно говоря не она, а существующій строй ужъ таковъ...

— Производственныя отношенія таковы!.. Миша строго посмотрѣлъ въ книгу, перевернулъ: нѣсколько страничекъ и заявилъ, что вотъ онъ прочтетъ ей сейчасъ немного, а чего она не пойметъ, такъ онъ разъяснитъ...

Миша откашлялся и хотѣлъ начать чтеніе, но барышня перебила его·

— Не то, милый, не то... У меня какая то духовная пустота... Вы—счастливый... Вы—сильный... А я... я такая слабая... Иногда хочется оперется на чью нибудь могучую руку...

— На Маркса обопритесь! грозно заблисталъ глазами Миша.—На Маркса! сильнѣй его чорта съ два найдете! Ну... будетъ время терять... Начинаю...

Читалъ Миша два часа, а когда онъ пришелъ на другой день, вертлявая горничная сказала ему, что барышня передавали книгу и просили больше не заходить!

Миша опредѣленно рѣшилъ, что „дѣвка—дура и ушелъ, унося въ сердцѣ тихую обиду...

Однажды Миша получилъ письмо, въ которомъ какой-то Дмитрій Алексѣевичъ Воиновъ.

(— Это еще что за фруктъ?) очень просилъ Михаила Ивановича, сына его стараго друга, посѣтить его въ четвергъ на этой недѣлѣ...

— Да, страшно нужно!—подумалъ Миша всякихъ этихъ старыхъ друзей рацесъ придется выслушивать... „посѣтить"! Какъ же! Держи карманъ шире!

Однако Миша пошелъ. Воиновъ встрѣтилъ его радушно, долго цѣловалъ въ передней, много говорилъ о томъ. что Миша вылитый Иванъ Ильичъ.

— Носъ, Глаза...—Ну прямо двѣ капли воды! И представилъ своей супругѣ и дочкѣ.

— Вотъ Маруська моя... Будьте друзьями!

Миша раскланялся и пробурчалъ что-то нечленораздѣльное. А Маруся кокетливо улыбнулась и сказала, что она, какъ послушная дочь, непремѣнно послѣдуетъ совѣту papa...

— Очень нужно!—подумалъ Миша, но сказать этого не рѣшился.

— Я... что-же... съ удовольствіемъ!

У Маруси были лукавые васильковые глазки, мягкіе, бѣлокурые волосы и когда она смѣялась, то казалось, что это звенитъ нѣжный серебряный колокольчикъ. Она долго разспрашивала Мишу, какъ онъ живетъ и гдѣ бываетъ. Когда Миша сурово разъяснилъ ей, что бывать гдѣ бы то ни было онъ считаетъ излишнимъ, она очень удивилась:

— А театръ? Опера? Развѣ вы не любите ихъ?..

Миша кисло улыбнулся и сказалъ, что одно изъ двухъ...

— Или работать и жить, или ходить по театрамъ и существовать!

Маруся сдѣлала видъ, что поняла и даже немного согласна съ этимъ, но... вѣдь это крайность!

— Крайность!—демонически разсмѣялся Миша—хороша крайность!.. Вотъ слушайте!

Онъ началъ съ производственныхъ отношеній, коснулся роли пролетаріата, хотѣлъ перейти къ будущему строю, но въ это время Маруся звонко разсмѣялась...

— Вы... что же это?..

— Вы меня простите пожалуйста... но, когда вы говорите, у васъ страшно забавно волосы дрожатъ... право...

Маруся посмотрѣла на Мишу лукаво и нѣжно.

— Милый, можно ваши волосы потрогать... ну пожалуйста!

Миша нахмурился... Маруся тихо взяла его за руку и осторожно пожимая ее спросила:

— Можно, милый! А?..

Миша улыбнулся и пожалъ плечами.

— Что-жъ... Если хотите... конечно... Мнѣ что!

Маруся рѣшила, что волосы у Миши жесткіе и ему надо постричь ихъ.

— Вамъ страшно будутъ итти короткіе волосы... Я прямо влюблюсь въ васъ тогда!..

Миша хотѣлъ было сказать, что любить въ нашъ вѣкъ стыдно, но почему-то раздумалъ и промолчалъ,

На другой день Миша пришелъ въ парикмахерскую.

Угрюмо сѣлъ за стулъ и сказалъ:

— Этотъ... какъ его... проборъ мнѣ устройте!

Ему было мучительно стыдно и казалось, что всѣ на него смотрятъ и смѣются.

Вечеромъ онъ купилъ воротничокъ, мучительно кряхтѣлъ, застегивая запонку, надѣлъ новую тужурку, которая долгое время валялась у него безъ дѣла и пошелъ къ Марусѣ.

Дорогою онъ думалъ, что онъ подлецъ и тряпка, что жить ему уже не имѣетъ смысла, но шелъ и при воспоминаніи о Марусѣ улыбался:

— Какая-то она... такая... Чортъ его знаетъ какая!.. Славная!

Маруся нашла его очаровательнымъ. Она сказала, что онъ—настоящій дэнди. Миша хотѣлъ было сказать, что дэнди это лѣнтяи и дармоѣды... но сконфузился и промолчалъ.

Они говорили о жизни и любви. Маруся нашла, что любовь самое красивое въ жизни:

— Не правда-ли?

Миша сдѣлалъ небольшую паузу.

— Вы Бебеля.. „Женщина и соціализмъ" читали?

— Нѣтъ... И читать не буду... Скучища, вѣроятно, ужасная!..

Миша молчалъ. Маруся гладила его по волосамъ и говорила, что вообще она не любитъ читать.

— Жизнь большему научитъ!

Когда поздно ночью Миша возвратился домой, онъ взялъ листокъ бумаги и написалъ:

Милая дѣвушка съ синими глазами
Для тебя я скоро весь забуду міръ...

Отбросилъ въ сторону ручку, всталъ и поднесъ къ собственной физіономіи кулаки, прорычалъ:

— Стихи писать началъ! У-у идіотина рыжемордая!.. Стихи... У-у дуракъ!

Черезъ недѣлю онъ написалъ домой письмо съ просьбой выслать деньги и заказалъ себѣ новый штатскій костюмъ.

А когда встрѣтился съ однимъ изъ своихъ пріятелей, конфузился, смотрѣлъ въ землю и говорилъ, чтобы тотъ не обращалъ вниманія, что онъ въ такомъ костюмѣ:

— Это, видишь-ли конспирація... Дѣло нужно одно сдѣлать... А за мной слѣдятъ... Вотъ пришлось, братъ, эти рогожи напяливать!..

Недавно онъ былъ съ Марусей въ оперѣ... и ѣздилъ на стрѣлку въ автомобилѣ...

У него модное пальто и новая фуражка... Говорить онъ сталъ тише, уменьшилъ количество жестовъ и носитъ на мизинцѣ маленькій перстень.

Борисъ Эффимъ.

ОНА.

Можно любоваться красивымъ бокаломъ,
Но когда онъ пустъ, онъ просто—бѣлое стекло.
Онъ становится золотымъ или алымъ
Съ той минуты, какъ вино въ него потекло.
И я была, какъ стекло бокала,
Пока мечта о тебѣ меня еще не ласкала.
Но ты влилъ въ меня страсть, какъ золотую пѣну вина,
И я стала алой—
И ты выпилъ меня до дна.

СОНЪ.

Мнѣ сегодня дурной сонъ приснился:
Будто въ принца обратился котъ,
Онъ одной лапой мнѣ въ сердце вонзился,
А другой зажалъ ротъ.
Я заплакала, хоть и не думала бояться,
Но какъ смѣютъ принцы—коты
Моего сердца касаться?
Вѣдь въ этомъ сердцѣ—ты!

СОЛНЦЕ.

Иногда утромъ я просыпаюсь.
Въ окно смотрю--
Вижу блѣдное небо и розовую зарю.
Потомъ весь день дождь—а я улыбаюсь.
Вотъ почему я всегда прошу тебя до утра остаться—
Солнце такъ рѣдко, а мнѣ хотѣлось бы каждый день улыбаться.

Лидія Лѣсная.

Послѣдніе страны голубыхъ.

Первый день послѣ конца.

11 человѣкъ здѣсь со мною... Порвана, вѣроятно, вся сѣть. Старикъ уже умеръ, а моя дочь холодѣетъ и все хочетъ мнѣ сказать что-то. Мы всѣ умремъ скоро, но покоенъ я. Я могу еще писать и, можетъ быть, прочтетъ, кто-нибудь мои записи. Холодно. Чувствую я, что мы послѣдніе Страны Голубыхъ и пергаментъ мой истлѣетъ или замерзнетъ въ холодѣ мертвой земли. Мы—послѣдніе. 11 насъ... Нѣтъ—10. Дочь моя умерла. Умерла. Холодныя пальчики, ледяныя...

Я хочу разсказать о послѣдней революціи на землѣ. Холодно, холодно.

Второй день.

Я гражданинъ великаго Города Міра. Когда-то, давно,—вся земля была разбита кусками и предки наши кусали и рвали ее и была кровь и гибли люди. Эти огромные, розовые люди, у которыхъ было солнце. О, солнце! Много солнца, точно вся земля тогда была прозрачной и пылала огнями и алый виноградъ зрѣлъ и наливался кровью въ тяжеломъ горячемъ зноѣ. У предковъ нашихъ—сѣрыя крѣпкія кости,—я видѣлъ ихъ на кладбищахъ, глубоко подъ землей тамъ грудами гніетъ осырѣвшій кирпичъ разрушенныхъ, нами забытыхъ городовъ... Я не знаю, что было потомъ... Какая-то долгая, тяжелая кровью война всей земли... Катастрофы, расколовшія міръ, какъ неудачную форму.

Я родился въ третій день весны и былъ до послѣдней революціи гражданиномъ города: я велъ записи часовыхъ оборотовъ главнаго колеса. Вмѣстѣ съ другими работалъ я въ подземныхъ мастерскихъ, гдѣ мы создавали и пищу людей и снаряды смерти. Еще недавно міръ ждалъ войны. Голубые юга хотѣли уйти въ землю отъ солнца, а мы думали строить стеклянную стѣну надъ всѣмъ земнымъ шаромъ. Но уступили южане и мы уже клали основы гигантскаго свода... О, солнце! У насъ не было солнца. Давно, въ дальнія времена, говорятъ люди молились ему и слагали о солнцѣ пѣснопѣнья, а мы съ нимъ боролись. Ученые наши, инженеры и техники—перекинули надъ землею густую сѣть, пропитанную теплымъ газомъ и каждый день провѣрялись скрѣпленія сѣти и

гудѣли и тарахтѣли машины, вырабатывая запасы страшной теплоты. Мы не знали солнца. Я слышалъ смутно-смутно, что живетъ тамъ за сталью крышъ, за гигантскими проводами, въ тьмѣ сѣти—осторожный и холодный врагъ. И нужно бороться съ нимъ, но многіе уставали. Каждый день находили трупы на скрѣпленіяхъ воздушныхъ лѣстницъ и подъ зубьями огромныхъ колесъ.

Только весною смѣялись мы. Въ день, когда лаболаторіи выпускали на землю пахучій странный газъ, когда мы задыхались отъ широкаго аромата—въ день Весны, утихалъ неумолкный грохотъ машинъ, останавливали свой скользкій бѣгъ ремни и только щупальцы освѣтителей струили голубой свѣтъ. Мы искали женщинъ въ день Весны. Боролись изъ-за нихъ въ жидкомъ салѣ у остановившихся колесъ, перебѣгали воздушныя лѣстницы, падали въ колодцы глухихъ корридоровъ. Мы искали женщинъ... А солнца не знали мы. Три генія—правители нашей страны, слѣдили за каждымъ, окруживъ его сѣтью шпіоновъ. И, если нѣкоторые изъ насъ запѣвали какую-то пѣсню, ихъ уводили шпіоны. Я не знаю куда. Такъ погибъ мой отецъ. Этой пѣсни не зналъ я. Вѣроятно старая пѣсня и ее, быть можетъ, еще пѣли люди, у которыхъ такія огромныя сѣрыя кости.

Холодно. Въ углу колодца поетъ и стонетъ голубоокій мальчикъ. Меня не грѣютъ тяжелыя ткани:—замерзли, хрустятъ подъ пальцами, О, солнце.

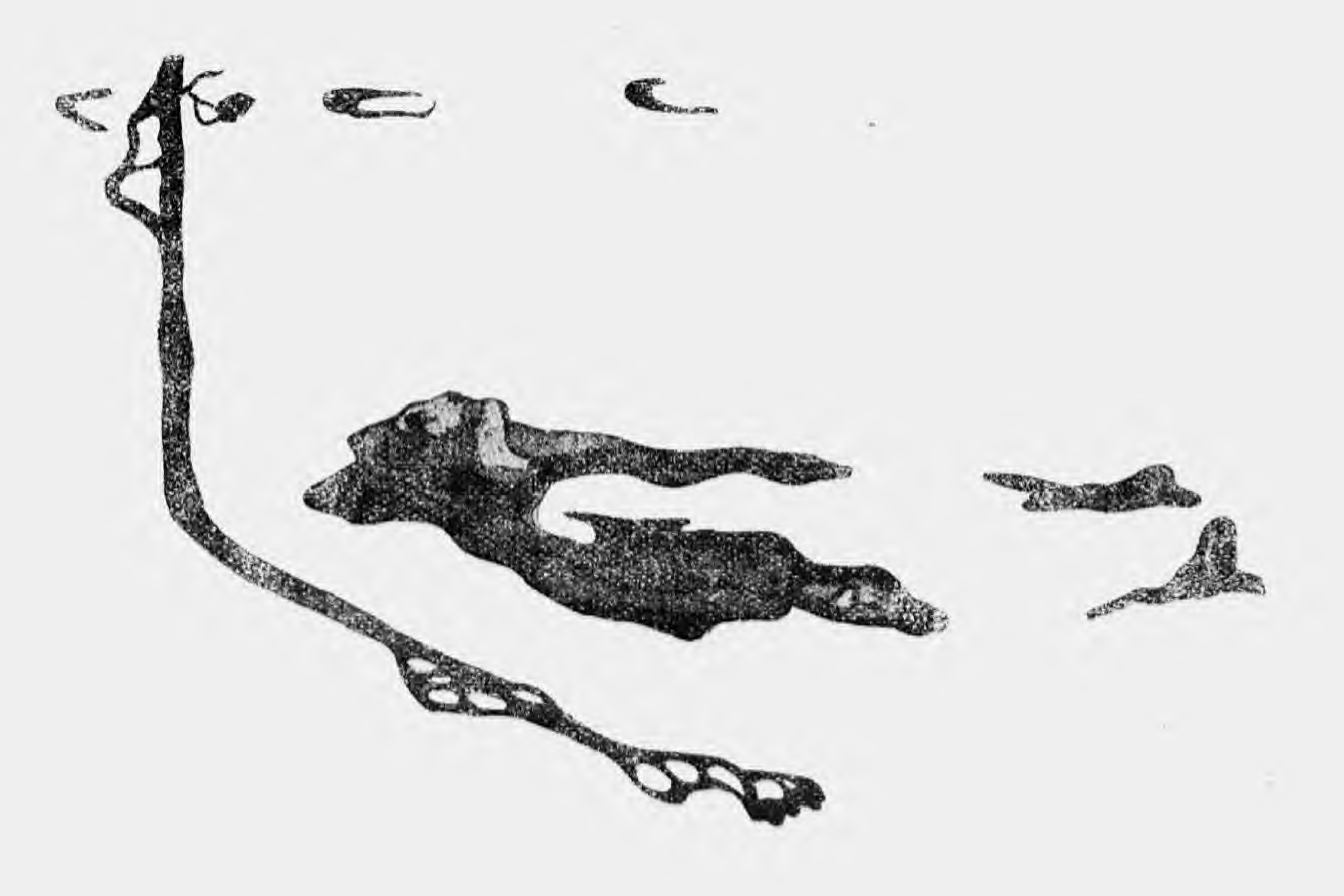
Третій день.

Это случилось незадолго передъ тѣмъ, какъ наша смѣна уходила въ свои колодцы—теплыя, устланныя мягкими тканями. Съ надземныхъ улицъ былъ слышенъ гулъ; такъ ревѣлъ паръ за заслонками расплавленныхъ печей. Я былъ съ другими у выхода, когда изъ полутьмы, по стальному канату скользнуло чье-то тѣло, сверкая, какъ жемчугъ въ голубомъ туманѣ. И упала намъ подъ ноги дѣвушка. Она смѣялась, какъ весной. Пѣла, вскидывая руки и приплясывая... У меня тѣни побѣжали въ глазахъ. Зеленыя, точно свѣжее масло машинъ, листики и тонкія щупальцы на тяжелыхъ стволахъ. И видѣлъ я широкія воды. Желѣзные берега, камни и бѣлыхъ птицъ я видѣлъ. Я пѣлъ, я смѣялся и плясалъ съ другими. Мы, кажется, пѣли о солнцѣ.

Мы пѣли о томъ, что у насъ много солнца, что цвѣтетъ молодой виноградъ и чайки плещутся въ морѣ. Свѣжій вѣтеръ шумитъ въ травѣ. Пляшутъ на солнцѣ голыя женщины...

Тьма была въ улицахъ города. Освѣтители потухли, издохнувъ, какъ голубые пауки. Я запутался въ тонкой проволокѣ и упалъ, прижатый къ стальному болту рельсы бѣгущими. Я видѣлъ... Вѣроятно лопнуло скрѣпленіе сѣти или, быть можетъ, спайки проводовъ расщемились,—только стала прозрачной тьма и холодная, какъ стальной блескъ, полоса упала и прокатилась по уходящимъ въ тьму рычагамъ, въ переплетѣ воздушныхъ мостовъ, надъ острыми гладкими крышами. Я видѣлъ, какъ въ полутьмѣ, давя и разрывая другъ друга, бѣжали глухія темныя толпы.

Я видѣлъ безумныя схватки у воздушныхъ аппаратовъ и у подъемныхъ мостовъ. Многіе запутаные стальной паутиной, висѣли высоко, высоко. И корчились и извивалися. Тяжко рыхали пылающіе аппараты. И пѣли всѣ. Я терпѣлъ и смѣялся и хотѣлъ бѣжать съ другими но меня придавили къ болту рельсы. Я видѣлъ, какъ маленькіе люди, гримасничая и приплясывая ползли по широкимъ ремнямъ перекинутомъ черезъ крыши, цѣплялись за скользкіе рычаги и пропадали высоко въ темнотѣ... Защитительную сѣть разорвали. Блѣдное и прозрачное небо залило барьеръ холоднымъ потокомъ Слѣпилъ глаза—круглый бѣлый врагъ. Помню что холодъ обжегъ мое тѣло и я, оторвалъ пальцы отъ замерзшей стали, упалъ куда-то. Я

не знаю—почему я здѣсь, въ этомъ колодцѣ Насъ 10 и моя дочь. И всѣ они смѣялись гримасничали и пѣли, когда пришелъ я.

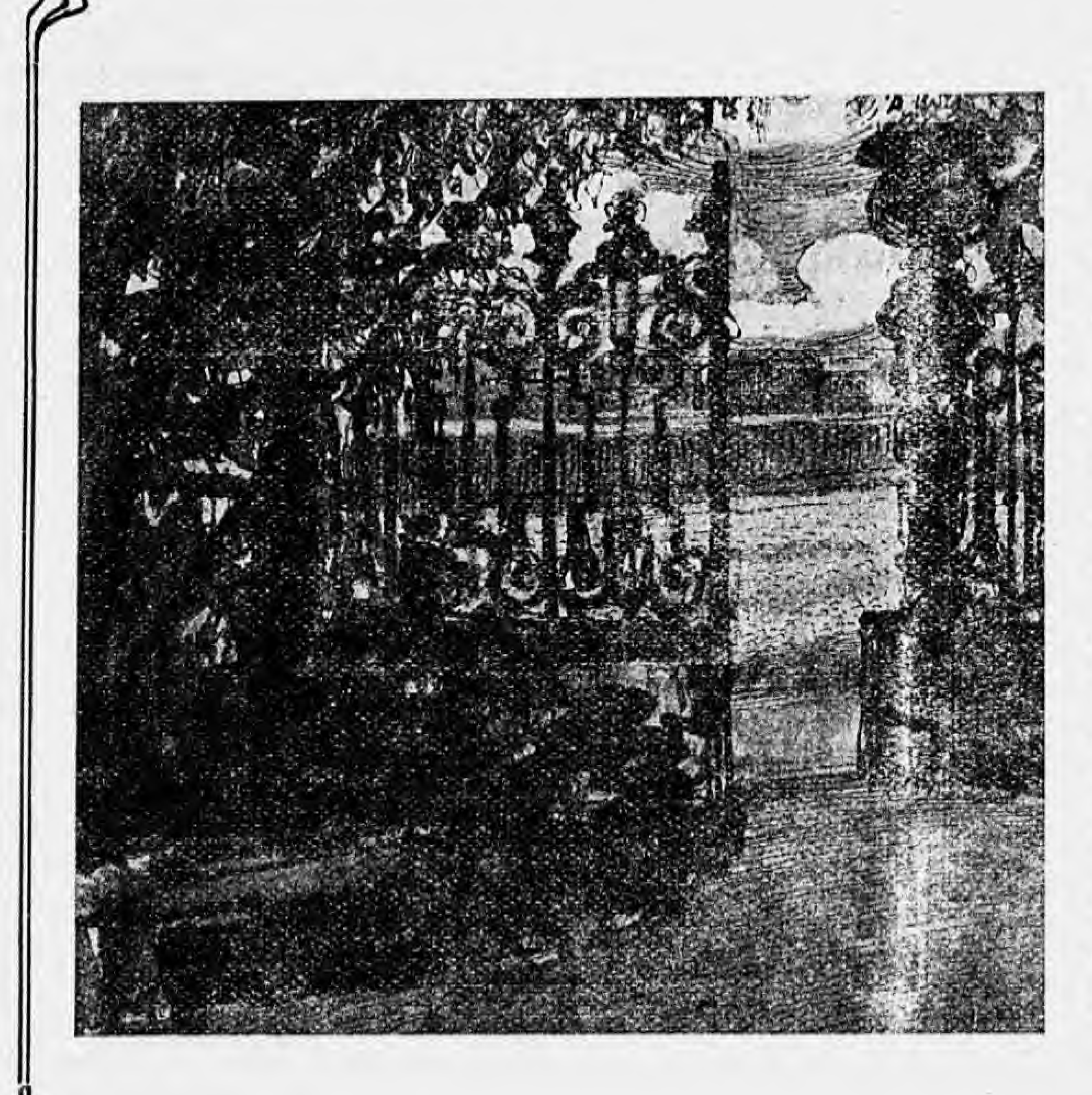
Дверь завалена холодными, замерзшими трупами, а сверху падаютъ глухо еще и еще. чьи-то окостенѣлыя ноги и голова съ выѣденными холодомъ бѣлками придавлены дверью горы замерзшихъ труповъ за дверьми.

Моя дочь умерла въ первый день умеръ старикъ и голубоокій мальчикъ. А другіе поютъ и стонутъ и нѣтъ уже силъ выползти изъ подъ вороха обмерзшихъ тканей. Они скоро замерзнутъ, но поютъ они. Поютъ и стонутъ. Я не понимаю ихъ бреда... Чаекъ и море я вижу.

Вѣтеръ шумитъ. Пробѣжалъ въ чащѣ олень, разбивая рогами вѣтви. Женщины пляшутъ и солнце. Солнце. Солнце.

Тихо и холодно. Весь городъ Міра заваленъ окоченѣлыми трупами и тусклые зрачки мертвыхъ глядятъ туда въ прозрачный съ бѣлымъ холоднымъ шаромъ, провалъ. Рты искривлены вытянуты руки, тусклый иней заледенилъ голыя голени. Горитъ холодомъ сталь ненужныхъ рельсъ, рычаговъ и колесъ. Все—не нужно. Замететъ колкій иней землю и ледъ похоронитъ ее Тишина. Тишина... Хорошо мнѣ. Я вижу сосны, сыпучій песокъ, камни. Ко мнѣ придутъ теплые медвѣди и слетятся стаи бѣлыхъ чаекъ. Волосы вѣтеръ растреплетъ. Солнце. Солнце.

Иванъ Лукашъ.

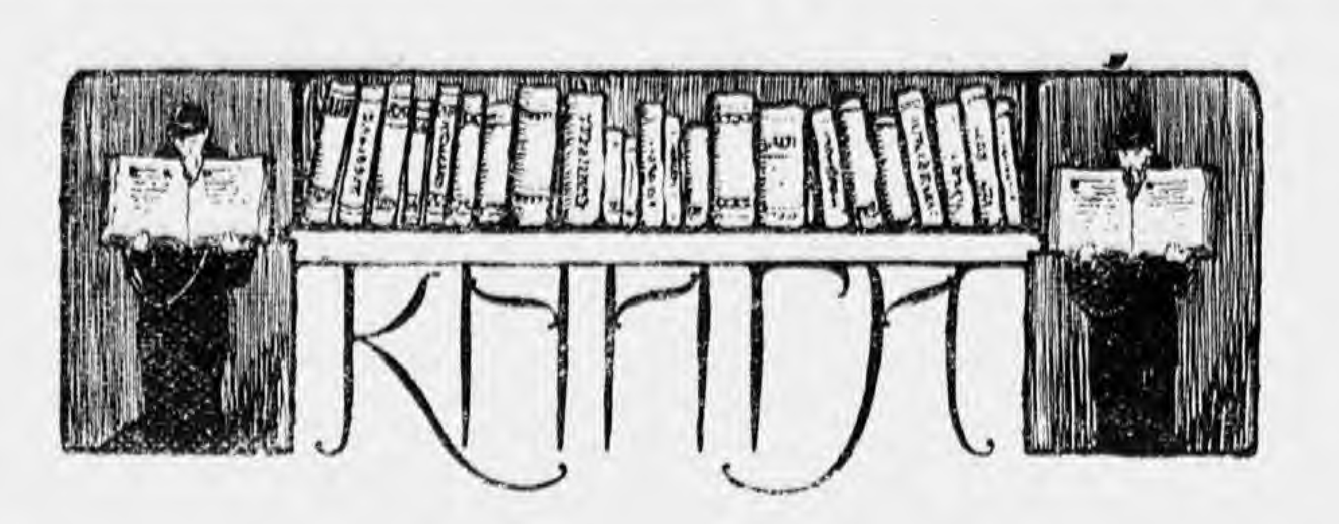

Старухи.

Шаги въ саду неслышно-глухи.,.
Сгораетъ пасмурный закатъ...
Двѣ одинокія старухи
Сошли съ терассы въ старый садъ.
Ложатся тѣни, словно змѣи,
Нѣмая ночь теперь близка...
Идутъ старухи по аллеѣ
И съ ними мертвая тоска.
Деревья дышатъ сномъ могильнымъ,
Покойно-теменъ барскій садъ,
А тамъ, за озеромъ. безсильно
Сгораетъ пасмурный закатъ.
Шаги усталы... Рѣчи глухи...
Могила темная близка...
Двѣ одинокія старухи
И съ ними мертвая тоска.

Юрій Зубовскій.

Саломея. Артуръ Декевальдъ.

КЪ ШИРОКОЙ ДОРОГѢ.

В. Львовъ-Рогачевскій начинаетъ предисловіе къ этой любопытной книгѣ А. Бибика такъ:

«Въ русской литературѣ впервые появляется романъ рабочаго изъ жизни рабочихъ, и я съ радостью привѣтствую это серьезное, вдумчивое, правдивое произведеніе».

Повѣсть А. П. Бибика нужна для жизни, какъ цѣнный документъ цѣлой эпохи, какъ правдивое свидѣтельство очевидца и участника и, въ то же время, какъ интересное художественное произведеніе.

Въ 1912 году журналъ «Современный Міръ» напечаталъ эту повѣсть въ шести книжкахъ

Въ основу этой книги, похожей на исповѣдь, легли подлинныя переживанія автора и правдивое воспроизведеніе пережитаго, перечувствованнаго и передуманнаго. Центральный образъ—Игнатъ Пастернякъ явно носитъ автобіографическія черты. Игнатъ—заодно съ авторомъ, авторъ—заодно съ Игнатомъ».

...„Пѣснь торжествующей смерти Арцыбашевыхъ, Андреевыхъ, Сологубовъ и прочихъ смертныхъ 1907—11 г.г. пишетъ А. П. Бибикъ—такъ возмутила меня и такъ страшно хотѣлось противопоставить этому шакальему вою нѣчто другое—живучее, свѣтлое, вѣчно юное,—что я снова принялся за рукопись. «Но ясно было, что книга въ задуманномъ видѣ -предпріятіе рискованное и длительное. Вспомнилъ я нѣкоего бурсака, поднимавшаго жеребенка... И—«сдалъ».

Все это—слишкомъ скромно. А. Бибикъ—художникъ, и художникъ, которому *есть, что сказать*.

Свою повѣсть А. П. Бибикъ считаетъ только первой главой Великой книги рабочихъ, онъ пишетъ эту главу, какъ-бы творя волю пославшихъ его, но мы можемъ сказать, что написанная глава полна глубокаго содержанія».

...«Рабочій написалъ свое *то, что было*, точно въ отвѣтъ на «то, чего не было Ропшина».

...«Въ обрисовкѣ столкновеній стариковъ и молодыхъ, интеллигентовъ и рабочихъ поражаетъ рѣдкое безпристрастіе и широта взглядовъ автора.»

...«Игнатъ не резонерствуетъ, а живетъ, по-своему мыслитъ и по-своему разсуждаетъ.

Попадетъ-ли онъ въ оперу въ первый разъ въ жизни, читаетъ-ли онъ Папа, Кнута Гамсуна, любитъ-ли онъ дѣвушку интеллигентку, живетъ-ли онъ одинокій въ ссылкѣ и ходитъ къ далекому озеру къ бѣлому лебедю, онъ всегда и на все умѣетъ откликнуться своей богатой душой.

Слушая «Гугенотовъ» вмѣстѣ съ другомъ Артемомъ онъ говорилъ ему, очарованный музыкой: «Нужно внушить себѣ, что жизнь красива и заставить себя слышать музыку».

Игнатъ—поэтъ умѣетъ слышать эту музыку жизни и въ этомъ его счастье. Артемъ этой музыки не слышитъ, и погибаетъ».

«...Авторъ романа «Къ широкой дорогѣ» вѣритъ, что міръ найдетъ дорогу къ правдѣ, его Игнатъ ищетъ эту дорогу упорно, настойчиво, и онъ уже близокъ къ этой суровой правдѣ, и онъ зоветъ къ ней другихъ съ горячей убѣжденностью. Отъ своей старой вѣры религіозной Игнатъ идетъ къ новой правдѣ: онъ «учится быть марксистомъ».

Представитель новаго поколѣнія активный, жизнерадостный рабочій Семенъ, благодаря опыту Игнатовъ уже въ ранней юности отрѣшился отъ наслѣдія стараго міра.

«Мать» Максима Горькаго отразила время сказки, овѣянной романтизмомъ и сномъ золотымъ, она поднимаетъ настроеніе, она какъ бы заканчиваетъ романтическій періодъ рабочаго движенія; повѣсть А. П. Бибика написанная послѣ праздника 1905 года, отражаетъ жажду разобраться, намѣтить дорогу, перейти къ упорной работѣ. Послѣднія страницы романа рѣзко подчеркиваютъ это реалистическое отношеніе къ жизни и къ задачамъ современности. Эти страницы рисуютъ настроеніе послѣ декабрьскаго разгрома. Вмѣстѣ со своими товарищами Игнатъ переживаетъ крушеніе ожиданій. Ему невыносимо тяжело, но онъ не опускаетъ рукъ; онъ чувствуетъ, онъ знаетъ, что «пока дымятъ фабричныя трубы—нѣтъ пораженія».

Если М. Горькій будни 90-хъ годовъ написалъ, какъ сказку, то А. П. Бибикъ праздникъ 1905 года написалъ подчеркнуто-буднично. Романтической фразѣ онъ захотѣлъ противопоставить реальные факты. Въ его повѣсти мы видимъ подлинныхъ рабочихъ, слышимъ ихъ подлинныя рѣчи и видимъ ихъ подлинныя чувства.

Въ Игнатѣ узнаютъ себя сотни Игнатовъ, онъ надъ многимъ заставилъ ихъ задуматься, найти и понять себя: вѣдь въ Игнатѣ—не только автобіографическія черты, въ немъ—черты типичныя и характерныя для цѣлой группы, для рабочей интеллигенціи."

СОБРАНІЕ А. И. КОХАНОВСКАГО.

Въ первой книгѣ „Весны" помѣщена интереснѣйшая статья нашего абиссиніевѣда д-ра А. И. Кохановскаго объ абиссинскомъ искусствѣ.

Между прочимъ мы высказывали предположеніе, что труды путешественника будутъ изданы Академіей Наукъ.

Сейчасъ редакція „Весны" получила очень интересную, тщательно исполненную работу В. А. Тураева и Д. В. Айналова „Произведенія абиссинской живописи, собранная докторомъ А. И. Кохановскимъ". Это изданіе Академіи Наукъ слѣдуетъ привѣтствовать.

Оно снабжено большимъ количествомъ цинкографскихъ репродукцій съ картинъ собранія Кохановскаго.

Съ разрѣшенія автора нѣкоторыя изъ нихъ будутъ воспроизведены въ „Веснѣ".

Есть нѣсколько любопытнѣйшихъ примитивовъ трогательныхъ своей дѣтской безыскусственностью.

PRIMA CARMINA.

Тридцать пять стихотвореній Н. В. Севастьянова все-же не смогли выявить душу автора.

Первое изъ нихъ—едва-ли не самое характерное:

ВЕСНА.

Неба лазурнаго дали безбрежныя.
Солнца зовущіе къ жизни лучи.
Почки набухшія, клейкія нѣжныя.
Водъ говорливыхъ живые ключи.
Боже, во всемъ постигаю смущенною
Мыслью Тебя я,—Весь міръ Твой согрѣтъ!
И восхваляю душой восхищенною:
Слава Тебѣ, показавшему свѣтъ!

Характерно въ этомъ стихѣ, что въ немъ вовсе нѣтъ характерность.

Всѣ стихи Севастьянова лишены характера.

Всѣ выраженія затрепаны мысли поношены, потерты.

Только то и хорошо, что не свое, какъ строка:

Слава Тебѣ показавшему свѣтъ!..
Тише. Слушай...—Растетъ тишина.

Тамъ и тутъ врываются прозаизмы и рушатъ начинающее назрѣвать настроеніе:

Сорвалась откуда-то нежданно
Капля, звонко стукнувъ въ лопухи,
Вѣтерокъ вздохнулъ благоуханно
И качнулъ листочками ольхи.
Садъ притихъ. Какъ-будто ждетъ чего-то...
И сквозь солнце *крупный какъ горохъ*,
Брызнулъ дождь брильянтами безъ счета...
Дрогнулъ листъ и ожилъ темный мохъ.

Или:

Я видѣлъ женщину нагую,
Когда, прекрасна и строга,
Вдругъ раздробила гладь рѣчную
Ея точеная нога.
Горѣло солнце въ небѣ знойномъ
И властно цвѣлъ іюнь кругомъ.
Съ самовлюбленіемъ спокойнымъ
Она стояла надъ пескомъ.
Блестѣла кожа въ яркомъ зноѣ.
Тонка и розово-бѣла.
Вошла—и тѣло молодое
Вода поспѣшно обняла.
А вышла—капли водяныя
На ней брильянтами зажглись...
И мнилось мнѣ: мечты пустыя
Оставь. Любуйся и молись!

Иногда слегка прихрамываетъ грамматика:

Не мни мои цвѣты. Не мни: ихъ такъ не много
Осталось у меня. Въ камняхъ мой узкій путь
Гдѣ спутники мои—Надежда и Тревога
Гдѣ некогда, въ мечтахъ забывшись, отдохнуть
Не мни мои цвѣты... Безъ чуткихъ созерцаній!..
Ты не поймешь вѣдь ихъ печальной красоты
Цвѣты осеннихъ, позднихъ, робкихъ расцвѣтаній
Оставь, дитя, уйди... Не мни мои цвѣты

Не правильнѣе было-бы сказать:

Не мни моихъ цвѣтовъ...

„КНИГА ВЕЛИКИХЪ".

Она заключаетъ въ себѣ всего на всего 10 страницъ.

И самая талантливая изъ нихъ страница „Да здравствуетъ реклама"!

На улицѣ сквозь ленту рокота
Пронизывается крикъ, какъ свѣтъ:
— Покупайте поэзы Широкова!
Широковъ—величайшій поэтъ!—
Да здраствуетъ Реклама! Да здраствуетъ Реклама!
Реклама—двигатель жизни, это знаетъ каждый клеркъ.
И на земномъ шарѣ нѣтъ ни дворца, ни храма,
Который бы ее отвергъ.
Она проникаетъ всюду: попадаетъ въ спальни,
Пролѣзаетъ въ карманы, провожаетъ даже гробъ,
Нахально оглушая всякаго. Будьте же всѣ нахальнѣй,
Отъ нее не отстать чтобъ!
Вечеромъ въ облакахъ строкою широкою
Буквы изъ электрическаго свѣта:
— Покупайте поэзы Широкова,
Великаго поэта!

Риѳма „рокота—Широкова", „широкою—Широкова" и не изъ пріятныхъ, хотя выраженіе „отъ нее не отстать чтобъ" и не изъ гладкихъ, но для рекламы чего не сдѣлаешь!

Книга снабжена дружеской критикой:

Василискъ Гнѣдовъ.

Поэма начала.

Зарожденіе міровъ изъ первичной Тьмы: звѣзды, тишина... сказки... Развѣ не міровая сказка эта «Поэма Начала? Бѣлая, ясная, спокойная сказка о тихомъ, созерцательномъ восторгѣ, о радостной, бѣлой грусти, о первой любви человѣка, порывающаго этимъ нитку благополучія и начинающаго вязать сѣть своей жизни. Вяжи, Человѣкъ!

Василискъ Гнѣдовъ прошелъ путь отъ «начала» «конца». Его знаменитая поэма конца»—абсолютное ничто—извѣстная по его книги «Смерть искусству», промежуточныя поэмы и «поэма начала» показываютъ его громадную, чуткую воспринимаемость и интуицію.

Павелъ Широковъ.

„Шепотъ стальныхъ губъ."

Внѣ города нѣтъ жизни!

Шевелятся желѣзныя губы, нашептывая необычайныя грезы, тянутся, приникаютъ поцѣлуемъ, и ты—безумецъ... Ты любишь, ты любишь Городъ, ты не уйдешь отъ него!.. Въ грохотѣ буйнаго дня и освѣщенной ночи, въ сутулокѣ широкихъ улицъ всегда кажется, что все, кругомъ принимаетъ участіе въ общемъ стремленіи къ чему-то. Какое разнообразіе въ безконечной смѣнѣ картинъ!

П. Широковъ—поэтъ Города. Онъ понимаетъ Городъ, потому что любитъ его. Развѣ не возвѣщаетъ поэма «Да здравствуетъ Реклама!» о томъ, что городская жизнь—нѣчто новое, что Городъ даже генія заставляетъ рекламироваться?

Иванъ Полозовъ.

Дружеская критика это нѣчто вродѣ дружескихъ векселей...

ВЪ РЯДЫ.

Поприщинъ увѣрялъ, что луну дѣлаютъ въ Гамбургѣ.

И дѣлаютъ прескверно.

Поэтъ ятефобъ Николай Черкесовъ увѣряетъ, что луну дѣлаетъ не гамбургскій хромой бочаръ, а—онъ Николай Черкесовъ:

Я открылъ новость—Луну.

До слезъ радуюсь я моему очаровательному открытію.

Бѣдная старая добрая Луна, на тебя теперь всѣ глядятъ съ презрѣніемъ, находя тебя не современною.

Многимъ молодымъ людямъ я хотѣлъ бы сказать: побольше Луны! Эта кудесница передѣлываетъ по своему солнечный свѣтъ и отдаетъ его во вторичную переработку поэту. Чрезъ магическіе круги Луны мы сообщаемся съ потустороннимъ міромъ и въ это время Луна насъ согрѣваетъ лучше суетливаго и потнаго солнца. Луна не лѣзетъ на небо такъ часто, какъ это дѣлаетъ солнце, и если она появляется, то не иначе, какъ съ цѣлой свитой блестящихъ дамъ и кавалеровъ. Все это свидѣтельствуетъ объ ея изысканномъ умѣ и изящномъ вкусѣ. А сколько людей, утомленныхъ жизнью, приходило вечеромъ на скамейку произвести послѣднюю уплату по жизненнымъ счетамъ и вмѣсто этого увлекалось красавицею, спускавшею имъ съ неба свои цѣломудренныя объятія,—чтобы забыть обо всемъ, кромѣ вѣчной Спутницы...

Пятнышкуя на травѣ, глазѣю я Луну.

Этотъ-же поэтъ открылъ и водородъ и кислородъ:

Мнѣ нравятся порывы водорода
Въ нѣмую высь.
Мнѣ нравятся паренья кислорода
Вездѣ поблизь.

Онъ же открылъ и сѣроводородъ, который и воспѣваетъ подъ видомъ мерзовоній:

Вся быть моя подъ мокрой серью.
На мерзовоніяхъ болотъ.
Исходитъ тухлый хороводъ.
За дверью вижу морду звѣрью
Изъ ископаемыхъ породъ.
Она на гнилище живетъ
И вѣритъ глупому повѣрью.

Не имъ-ли изобрѣтена и та жидкость отъ которой дѣлалось зимой дурно работницамъ галошныхъ и иныхъ фабрикъ?

Многіе стихи Черкесова отзываютъ дѣйствительно химической обструкціей.

Пѣвецъ Фелицы гордился тѣмъ, что онъ первый воспѣлъ „богоподобную царевну".

Черкесовъ гордится тѣмъ, что первый воспѣлъ... Слизнячка:

Слизнячекъ-то, слизнячекъ
Липъ въ присосъ къ суку отъ скуки,
Выпустилъ изъ тѣла руки,
Не менокъ и двурогъ.
Слизнячку-то слизняку

Пища лакомитъ какая,—
По плѣснячему суку
Слады самотворны рая.

И... Тире:

Точка—кочка нѣмая.
Полу-точка—запятая,
Синтезъ парочки простой:
Точка съ запятой.
Но могучей и пѣвучей,
И палючей, и ласкучей—
Наслажденіе созвучій,—
Легкогранное тире.
Я играю имъ—бросаю,—
Ударяю, подымаю,—
Удаляю и сливаю
Этой гибкою чертой.
Между канувшимъ и новымъ
Мостъ летучій сдѣланъ словомъ.
Это слово—старо—ново.
Это—звонкое тире.
И когда зіяетъ за вратами
Не обитель съ вѣтхими дѣлами,
Не обитель ходкаго почета,
Но искусствомъ слитый идеалъ,—
Я звенящею игрою
Арки радужныя строю,—
Разнотонный. тонкій, звонкій,
Цѣпкій, крѣпкій, новолѣпный
Чрезъ провалъ
Мостъ—тире.

Чего нашъ братъ мастеровой не напишетъ!..

„ДЕРЗАННЯ“.

Футуризмомъ заразились и малороссы.

Въ Кіевѣ вышелъ такой „манифестъ“:

Ей ти, чоловіче, слухай сюди! Та слухай же—ти, чудовий цілкомъ! Я хочу сказати тобі декільки слів про мистецтво й про те, що до нього стосуе ся—тільки декільки слів. Не мае нічого ліпшого, як розмовляти з тобою про мистецтво, чоловіче. Я берусь руками за боки й регочусь. Я весь тремчу від сміху—вигляд твій чудовий, чоловіче! Ой, та з тобою ж пекельно весело!

...Ах, з тобою страшенно тоскно... Я не хочу з тобою говорити. Ти підносиш мені засмальцьованнаго «Кобзаря» й кажеш: ось мое мистецтво. Чоловіче, мені за тебе соромно... Ти підносиш мені заялозені мистецькі «ідеї» й мене канудить. Чоловіче. Мистецтво е щось таке, що тобі й не снилось. Я хочу тобі сказати, що де е культ, там немае мистецтва. А передовсім воно не боїть ся нападів. Навпаки. В нападах воно гартуе ся. А ти вхопивсь за свого «Кобзаря», від якого тхне дьогтем і салом, і думаеш, що його захистить твоя пошана. Пошана твоя його вбила. Й немае йому воскресення. Хто ним захоплюе ся тепер? Чоловік примітивний. Як раз вроді тебе, показчикомъ якого е «Рада». Чоловіче. Часъ титана перевертае в нікчемного ліліпута і місце Шевченкові в записках наукових товариств. Поживши з вами відстаеш на десятирічча. Я не приймаю такого мистецтва. Як я можу шанувати тепер Шевченка, коли я бачу, що він е під моїми ногами? Я не можу, як ти, на протязі місяців витягувати з себе жили пожани до того, хто, будучи сучасним чинником, е зьявищем глибоко відразливим. Чоловіче. Я хочу тобі сказати, що в сі дні, коли я отсе пишу, гидко взяти в руки нашу часопись. Як би я отсе тобі не сказавъ, що думаю, то я б задушив ся в атмосфері вашого «щирого» украінського мистецтва. Я бажаю йому смерти. Такі твої ювилейні свята. Отсе все, що лишилось від Шевченка. Але не можу й я уникнути сього святкування.

Я палю свій «Кобзарь».

Бѣдный Шевченко!

НЕГАТИВЫ

УРЯДНИКИ УЧАТСЯ.

Въ Новгородѣ открылся „университетъ“. Самый подходящій для Россіи... Самый нужный...

Университетъ для урядниковъ.

Теперь каждый урядникъ маленькій энциклопедическій словарь.

Во всякомъ случаѣ — ужасно образованный человѣкъ.

Онъ знаетъ... Желѣзнодорожное дѣло... Водопроводное... Телеграфное... Телефонное... Сыскное... Строительно дорожное... Исторію... Географію... Ветеринарію... Медицину... Мало того.

Онъ узналъ, что въ Россіи существуютъ законы.

Законы, которымъ надо подчиняться... Говорятъ урядники были чрезвычайно удивлены, узнавъ объ этомъ...

Теперь можно смѣло сказать, что Россія стоитъ на правильномъ пути.

Школы? Вы говорите школы? Зачѣмъ? Урядникъ прекрасно знаетъ всѣ предметы необходимые въ нихъ и можетъ смѣло заняться преподаваніемъ. Зачѣмъ тратить лишніе деньги и пускать въ деревню неблагонадежный элементъ?

— Медицина!.. Господи!.. Сидорчукъ!.. Врѣжь барину нарывъ!..

Врѣжетъ—потому образованный.

Судебные слѣдователи, прокуратура, инженеры, электро-механики... Ветеринары—все уничтожается за ненадобностью.

Всѣхъ замѣнилъ урядникъ.

Какъ просто и хорошо... И какъ поздно пришли къ этому.

М. Н. П.

Это самое замѣчательное министерство въ Россіи.

Чуткіе, простые, душевные люди.

Въ Алексѣевскѣ инспекторъ народныхъ училищъ Колокольцевъ производилъ экзаменъ въ городскомъ начальномъ училищѣ... Какъ умно и тонко онъ велъ экзаменъ! Географія.

Инспекторъ спрашиваетъ ученика:

— Скажи мнѣ, на какомъ пароходѣ я поѣду въ Благовѣщенскъ?

— На какомъ захотите.

— Нѣтъ, ты подумай.

Ученикъ молчитъ, рѣшительно не зная, о чемъ ему думать. г. Колокольцевъ задаетъ «наводящіе вопросы:

— Какіе ты знаешь пароходы?

— «Экспрессъ», «Владиміръ».

Вотъ, вотъ, это—почтовые, я на нихъ и поѣду, а то частнаго, Богъ знаетъ, когда дождешься!..

Инспекторъ, вѣроятно, засмѣялся и съ видомъ побѣдителя оглядѣлъ присутствующихъ.

Каковъ!

Экзаменъ продолжается.

— «Знаешь ли ты городъ Парижъ. Чѣмъ онъ замѣчателенъ?

Ученикъ начинаетъ разсказывать о Парижѣ по географіи Иванова, но г. Колокольцову этотъ курсъ показался неполнымъ: онъ счелъ своей педагогической обязанностью расширить географическія познанія учениковъ и началъ:

— А про парижскіе духи слыхалъ?

Ученикъ молчитъ.

— А барышнямъ покупалъ духи?

Ученикъ отрицательно качаетъ головой и краснѣетъ.

— А вы, обращается г. Колокольцовъ къ пожилому учителю,—покупали барышнямъ духи?

Учитель неопредѣленно улыбается.

— А я покупалъ и знаю, что самые лучшіе духи парижскіе... Такъ чѣмъ еще замѣчателенъ Парижъ?—обратился онъ потомъ къ ученику.

И тотъ долженъ былъ отвѣтить·

— Духами!..

Кромѣ этого г. инспекторъ, вѣроятно, знаетъ, что луну дѣлаютъ въ Гамбургѣ и что у Алжирскаго бея подъ самымъ носомъ шишка.

НАПОЛЕОНЪ.

Лодзь, Газета «Glos Łomzinski» разсказываетъ, что на-дняхъ ломжинскіе обыватели были удивлены необычайнымъ происшествіемъ.

Неожиданно во всемъ городѣ на землю стали падать сотни мертвыхъ воробьевъ.

Оказалось, что воробьи были отравлены по приказу президента ломжинскаго магистрата.

Обыватели недоумѣваютъ, чѣмъ провинились воробьи передъ президентомъ.

Городскіе бѣдняк начали-было собирать умирающихъ воробьевъ, чтобы употребить ихъ въ пищу, но были вовремя предупреждены, что воробьи отравлены.

Когда подобрали воробьевъ и привезли предъ вельможные очи, президентъ скрестилъ руки на груди и сказалъ:

— Здѣсь свѣтитъ мнѣ солнце Ломжи!

УМНИКИ.

(изъ серіи М, Н. П.).

Харьковъ, (По телефону). Какъ сообщалось въ «Русскомъ Словѣ», въ Прилукахъ группа воспитанницъ и воспитанниковъ мѣстныхъ гимназій за два дня до окончанія выпускныхъ экзаменовъ устроила катанье на лодкѣ

Во время катанья лодка опрокинулась. Пятеро изъ числа катавшихся утонули. Остальные, уже потерявшіе сознаніе и пошедшіе ко дну, были спасены.

На слѣдующій день начальство женской гимназіи, собравъ экстренное засѣданіе педагогическаго совѣта, поставило на его сужденіе вопросъ:

— Можно ли разрѣшить додержать оставшіеся экзамены гимназисткѣ, которая тонула въ числѣ другихъ, но была спасена, или же ее слѣдуетъ исключить изъ гимназіи за то, что осмѣлилась кататься на лодкѣ, въ нарушеніе существующаго на этотъ счетъ распоряженія гимназическаго начальства?

Послѣ долгихъ преній, совѣтъ рѣшилъ, «не въ примѣръ прочимъ», пощадить гимназистку.

Выдача ей свидѣтельства объ окончаніи курса задерживается, однако, до сихъ поръ.

Вѣроятно кто-нибудь съ пѣной у рта доказывалъ:

— А зачѣмъ спасалась. Другіе утонули, она спаслась. Ну и потерпи!

Много есть въ русскомъ языкѣ старыхъ, хорошихъ словъ для Прилукскихъ педагоговъ... Но къ сожалѣнію ихъ нельзя напечатать.

Нецензурно.

* * *

Несмотря на непривлекательныя черты лѣтняго Петербурга, наша столица сдѣлалась въ текущемъ сезонѣ мѣстомъ веселыхъ путешествій для знатныхъ иностранцевъ. Еще недавно знатные англичане фланировали по Невскому проспекту. Также гостилъ Нидерландскій принцъ. А на дняхъ пріѣзжаютъ французскіе гости во главѣ съ президентомъ.

* * *

Гоститъ въ Петербургѣ и албанскій премьеръ впрочемъ онъ пріѣхалъ не развлекаться, а просить денегъ для князя Вида.

Дѣйствительно, къ чему албанцамъ искать развлеченій за границей, коли у нихъ дома достаточно аттракціоновъ. Сегодня малиссоры завтра мередиты, а тамъ сильно-трагическая картина безконечной длины—переѣздъ албанскаго мебрета и его семьи на иностранные крейсера.

* * *

Извѣстный старецъ Григорій Распутинъ тяжело раненъ и находится при смерти. При выпускѣ настоящаго № „Весны" газетныя извѣстія о состояніи его здоровья были самого противорѣчиваго характера! Нѣкоторые корреспонденты присутствовали при его агоніи, на глазахъ другихъ онъ быстро оправлялся.

* * *

Въ почтово-телеграфномъ вѣдомствѣ—крупныя реформы: женщинамъ, служащимъ въ вѣдомствѣ разрѣшено вступать въ бракъ не только съ сослуживцами, но и съ лицами посторонними. Мечта г. Севастьянова о созданіи „почтово-телеграфнаго" племени рухнула. Правыя партіи взволнованы. Пуришкевичъ написалъ нѣсколько ругательныхъ писемъ.

* * *

Десятилѣтіе своего существованія буедтъ праздновать союзъ 17 го октября... Лидеры партіи сильно осунулись!

* * *

Жизнь протекаетъ нормально. Лѣтомъ, какъ и полагается, вылетѣлъ красный пѣтухъ. На этотъ разъ онъ избралъ себѣ въ пищу лѣса и раскинулся по нѣсколькимъ губерніямъ... Разсказываютъ, что когда одного виднаго администратора спросили, какія мѣры думаетъ принять для прекращенія пожаровъ онъ приподнялся въ гамакѣ, тяжело вздохнулъ, вытеръ потъ и, слабо улыбаясь, добродушно сказалъ:

— Ну и жара стоитъ!

Спрашивающій сконфузился.

— Да. Но... Какія-же мѣры...

Администраторъ благодушно разсмѣялся:

— Господи! Вотъ присталъ человѣкъ! Ну обождемъ недѣльку, можетъ оно само пройдетъ. А не пройдетъ подумаемъ... Комиссію созовемъ, циркуляръ напишемъ что-ли!..

Лѣса горятъ...

Литературный календарь.

На дняхъ состоялась въ Петербургѣ закладка „Дворца искусствъ", который воздвигается рядомъ съ музеемъ Императора Александра III. Съ постройкой „Дворца искусствъ" художники будутъ имѣть возможность устраивать выставки картинъ въ удобныхъ залахъ.

* * *

Газета «Приморскій Край» организуетъ большую экскурсію писателей и журналистовъ на Дальній Востокъ. Составъ экскурсіи предполагается изъ 50 человѣкъ. Предполагаемый маршрутъ, по словамъ «Прим. Края», экскурсіи: Владивостокъ, Харбинъ, Мукденъ, Антунгъ, Сеулъ, Чемульпо, Фузанъ, Моджи, Симоносеки, Іокогама, Кобе-Осаки, Кіото, Нара, Токіо, Нико; и обратно: Токіо, Цуруга и Владивостокъ. Многіе японскіе литераторы изъявили согласіе оказать возможное содѣйствіе экскурсіи.

* * *

Проживающій въ Коктебелѣ (въ Крыму) поэтъ Максимиліанъ Волошинъ выѣзжаетъ въ недалекомъ будущемъ въ Базель на союзъ теософовъ. Послѣдніе сооружаютъ свой собственный храмъ, и каждый изъ участниковъ приметъ участіе въ работѣ по разрисовкѣ стѣнъ и проч.

* * *

Старѣйшій изъ русскихъ писателей, П. Д. Боборыкинъ, только что перенесъ тяжелую и мучительную болѣзнь, почти ставившую на очередь вопросъ объ его жизни или смерти. Лишь теперь въ болѣзни замѣтно явное улучшеніе. Петръ Дмитріевичъ уже можетъ сдѣлать по комнатѣ нѣсколько шаговъ. Это большое завоеваніе послѣ семи недѣль полной прострацій. Улучшеніе происходитъ отъ впрыскиванія препарата изъ стрихнина.

КОНКУРСЫ.

КОНКУРСЪ ЖЕТОНОВЪ.

Требуется нарисовать жетонъ для ношенія въ видѣ нагруднаго знака постоянными сотрудниками журнала „Весна" и лицами взявшими первый призъ на конкурсахъ „Весны". Жетоны должны быть трехъ родовъ: бронзовые, серебряные и золотые. Надпись на лицевой сторонѣ: „Весна", на оборотной сторонѣ „Побѣдителю конкурса „Весны". Срокъ подачи рисунковъ 1-го августа 1914 года. Первая премія—серебряный жетонъ, вторая премія бронзовый жетонъ. Рисунки, признанные лучшими, будутъ напечатаны.

КОНКУРСЪ БУРИМЕ.

Требуется присочинить начала строкъ:

. . . . трясины
. . . . басъ
. . . . апельсины
. . . . колбасъ
. . . . донна
. . . . бардъ
. . . . бездонна
. . . . ломбардъ.

Срокъ подачи отвѣтовъ—15 августа 1914 г. Первая премія — бронзовый нагрудный знакъ „Весны" (жетонъ). Лицо взявшее призъ въ пяти конкурсахъ получаетъ серебряный жетонъ. Взявшие пять серебряныхъ жетоновъ—получаютъ золотой жетонъ и званіе постояннаго сотрудника „Весны". Корреспонденціи адресовать секретарю журнала А. Русавину.

Редакторъ **Н. Г. Шебуевъ.**
Издательница **Н. К. Дмитріева.**

«Владимірская» Типо-Литографія Николоевская ул., д. № 42.

„Владимірская" Типо-Литографія, Николаевская ул., д. № 42.